

Особенности национального ухода из жизни в зимний период

Тору Мотидзуки

Несмотря на то, что жизнь в монастыре позволяла сильно не задумываться о заработке денег, Тору ни на минуту не позволял себе забыть о своей первой профессии, продолжая писать статьи на историческую тематику для разнообразных журналов, с редакторами которых он смог познакомиться благодаря преподавательской деятельности. И сейчас перед японцем стояла непростая задача адаптировать написанную сухим языком информацию о ритуальных самоубийствах так, чтобы ее интересно было читать среднестатистическому американцу, поскольку данная статья была заказана для журнала, странного названия которого Мотидзуки запомнить не соизволил, выпускаемого на территории США.

Придя к выводу, что его работе не хватает эмоций, которых может дать только личный опыт, Тору, со всей ответственностью исследователя переоделся в традиционную одежду – хакама и кендоги, временно спрятанную от посторонних глаз под теплой курткой, взял с собой вакидзаси, несколько белых листов бумаги, кисть и тушь и отправился в дикий парк реконструировать ритуал ухода самурая из жизни. Место для сеппуку японец, боясь, что его могут неправильно понять, выбрал такое, куда, как ему казалось, должна была редко забредать нога обитателя монастыря. Зимой садиться на холодную землю и уж, тем более, снимать теплую куртку совсем не хотелось, но поскольку именно такие действия прекрасно отражали самурайскую решимость, Мотидзуки, пусть и без малейшего удовольствия, пошел и на эти радикальные меры.

Стараясь прогнать мысли о холоде, японец взял один из листков бумаги и дрожащей рукой начал выводить дзисэй – «стихотворение смерти», которое по возможности должен сочинить каждый уходящий из жизни самурай.

Песнь зимней стужи

Дослушаю

В мире теней.

Получилось довольно примитивно и пахло явным плагиатом, но, не имея поэтических талантов, Тору удовлетворился и этим.

Дальнейшая процедура заключалась в ослаблении завязок кендоги, позволяющем обнажить часть груди и живота, оборачивании рукояти вакидзаси чистым листком бумаги и поднесению кончика меча к самому животу. Наступало время отрешиться от реальности и полностью погрузиться в мысли о совершенных ошибках, позор от которых можно было смыть только кровью. Чем Тору и занялся, изо всех сил стараясь не думать о тепле и других прелестях жизни, мешающих сосредоточиться на процессе красивой встречи смерти.

В последнее время ей стали сниться другие сны. Они отличались от обычных провидческих снов тем, что в них словно каким-то ведомым только самой Луне подтекстом писалось "тебе нужно быть там-то, с таким-то человеком и сделать то-то, иначе произойдёт нечто ужасное". И с ней такое случалось не очень часто, этот раз был всего лишь вторым. И в этом сне она спасала японца от... смерти? Такое может произойти где угодно, но только не на территории монастыря.

Нет, она отчётливо видела мужчину и меч у живота. И себя, разумеется, в роли великой спасительницы. В такие моменты кажется, словно сама Луна тебя направляет разруливать чьи-то сложные ситуации, помогать им менять свою судьбу. И если ты этого не сделаешь, произойдёт что-то ужасное. Чуть ли не мировой порядок нарушится, земная ось изменит свой угол и на всех обрушатся катаклизмы. Именно с таким ощущением она просыпалась вот уже во второй раз. Ещё и в холодном поту. И с сердцебиением далеко за пределами нормы.

А ноги сами её привели в дикий парк. И о времени она не задумывалась долго - просто в определённый момент в голове что-то пережнуло, она словно учуяла сигнал-побуждение к действию. Собралась и пошла. С собой, как всегда, была фляга с водой. Но она не приготовила речь для смертника. Потому что слова сами должны были прийти к ней в тот момент, когда она всё это увидит своими собственными глазами.

Она шла не слишком быстро, но и не слишком медленно. В умеренном темпе. Ей было интересно, открывались ли ей новые грани её дара, или из-за отсутствия практики как монастырского прорицателя она теряла свои способности? А что вообще могло быть дальше? Она будет проникать в тайны целых народов? Заглядывать своим взором в истоки создания самого мироздания? Как жить с таким знанием?

- Доброго времени суток. Боюсь, вам стоит отложить ваш ритуал ненадолго, - слова сами слетели с её губ, она не репетировала.

Тору Мотидзуки

Несмотря на холод, Тору удалось расслабиться и сосредоточиться на мыслях о достойной смерти, способной смыть его позор как сына, разочаровавшего родителей, мужа, не сумевшего предложить жене счастливую семью, ученика, ставшего врагом своему наставнику. Причин уйти из жизни хватило бы сразу на несколько человек, а потому не стоило поддаваться своим жалким желаниям и хвататься за возможность сделать еще один вздох. «Меч чести», поднесенный к животу, ждал возможности вонзиться в тело и прекратить страдания человека, не сумевшего следовать кодексу истинного самурая.

Женский голос, неожиданно пронзивший царящую тишину, мгновенно разрушил хрустальную гармонию, заставив японца резко дернуться и случайно черкнуть кончиком вакидзаси по животу. Тонкая струйка крови, заструившаяся из небольшой раны, возвестила о близости Мотидзуки к возможности превратить инсценировку в действие, мало чем отличающееся от настоящего. С удивлением посмотрев на красную полосу, длиной около четырех сантиметров, украсившую его живот, Тору поднялся с земли и повернулся в сторону нарушительницы спокойствия. Ей

оказалась рыжеволосая девушка, которая, хоть и не являлась одной его хорошей знакомой, но, при этом, как и некогда ее «сестра» по цвету шевелюры, также доставила своим неожиданным появлением немало хлопот.

-Девушка, - Тору приложил к животу руку, стараясь помешать крови капать на специально приготовленную для ритуала одежду. – Никогда не вмешивайтесь, если видите, что человек, пытается расстаться с жизнью. А то у него это, ненароком, может действительно получиться.

Катара

- Зачем вам умирать? Жизнь - бесконечно прекрасная штука, такая удивительная и непонятная, у каждого - своя, - она подходила всё ближе и ближе, в её планах было вообще выкинуть этот меч подальше от самурая, чтобы он ненароком не зарезал себя им так же случайно, как и полоснул по животу только что.

До сего дня она так и не привыкла к крови. Ей не нравился её вид и запах, и вообще всё. Вот лучше пусть она течёт себе спокойно по артериям и венам, и наружу не выходит. А если выходит - то не очень уж и сложно сделать так, чтобы этого не видеть. Но это если, конечно, "больной" не возражает.

- Кровь? Вы порезались? Давайте я вам помогу её убрать, - она подошла уже достаточно близко для того, чтобы протянуть руку к мечу и выкинуть его подальше с глаз. - Вам ведь больше не нужен меч, может, положите его пока на землю? - а лечить без согласия самого пациента она не могла, но ждать ей придётся недолго.

Тору Мотидзуки

- Да я ничего против жизни не имею, - Тору на несколько секунд отнял руку, чтобы посмотреть, как обстоят дела с раной и, не увидев ничего сильно внушающего оптимизм, продолжил. – Вы все не так поняли. Не собирался я себя убивать, так что не стоит таким взглядом смотреть на вакидзаси, я не планирую им ничего себе протыкать.

Вся эта ситуация казалась Тору безмерно глупой. Вот тебе и уединился, для реконструкции ритуала. Приходилось признать, что с паталогическим «везением» у него все обстоит в лучших традициях комедийного жанра. Иначе как объяснить появление в самый неподходящий момент девушки, весьма озабоченной его кажущейся попыткой уйти из жизни столь экзотическим способом и горячей желанием его от этой напасти уберечь?

- Если сможете помочь убрать кровь, буду вам весьма благодарен. – Тору печальным взглядом проследил как несколько капель крови, просочившись сквозь пальцы, упали вниз. Если ему не хватало эмоций для написания статьи, то теперь их точно имелось, хоть отбавляй. Правда, если бы у него было право выбора, он все же предпочел разобраться со своим писательским кризисом без непредвиденных кровопусканий.

Катара

- Раз не планировали им себе ничего протыкать и сам ритуал закончился провалом,

всё же, может быть вы отложите оружие в сторону? Вам ведь оно не пригодится более, верно? - пыталась настоять на своём Катара, уже чуть ли не силой вытягивая вакидзаси из рук потерпевшего. В принципе, она могла попробовать его сбить с рук магией, но это на самый крайний случай. Она верила, что можно договориться на добровольной основе.

- С заживлением раны я вам помогу. Это не сложно для меня, - по телу пробежала дрожь, наконец-таки Луна подкинула ей ситуацию, где она сможет продемонстрировать свои навыки целительства на практике. Причём без каких-то взвешенного уровня затрат - заживление раны было самым простым заданием, с которым мог справиться даже новичок.

Она посмотрела на колотую рану. Ничего необычного. Это тебе не фонтан крови, не глубокая рана до самого "мяса" , в общем трудностей никаких у неё не должно возникнуть. Энергию Анахаты-чакры зелёного цвета она окрасила сначала в синий, останавливая кровотечение и снимая боль. Хотя, этот молодой человек не давал знать, что ему больно, она всё равно возможную боль сняла. На заживление самой раны она потратила так же немного времени, придавая теперь энергии сердечной чакры оранжевый цвет.

- Словно ничего и не произошло, - сказала девушка в конце своей практики, тепло посмотрев на потерпевшего.

Тору Мотидзуки

- Девушка, повторюсь еще раз, я не собирался себя убивать. А провалом все происходящее чуть было не закончилось, поскольку я не ожидал вашего появления и случайно нанес себе рану.

Тору ненавидел, когда кто-то пытался трогать его оружие без разрешения, поэтому неумеренная активность очередной рыжеволосой европейки вызвала у него раздражение и привела к попытке вернуть меч в исходное положение. В итоге, дернул девушку он достаточно сильно и даже грубо, но оружие свое все-таки отвоевал и убрал в ножны, демонстрируя, что не собирается его сейчас использовать.

Похоже, эта необычная обительница монастыря и сама была рада потренироваться на нем в лечении ран, и Тору, не желая капать кровью на одежду, мысленно подтвердил свое участие в этом странном эксперименте, хотя до сих пор и не привык к магии и к тому, на что она была способна. Ничего не объяснили и дальнейшие манипуляции его добровольного доктора. Как и в случае с Валентином и его ногой Тору не понял, что происходило, изумленно наблюдая за тем, как затягивается рана на животе. Но результат, в любом случае, превзошел его самые смелые ожидания, поэтому он решил забыть, кто являлся причиной случившейся с ним неприятности и просто поблагодарить девушку за помощь.

- Спасибо, - Тору церемонно поклонился, а затем, теряя всю солидность, бросился за лежащей неподалеку курткой. Со всем этим ритуалом и его последствиями, он успел жутко замерзнуть и теперь старался хоть как-то согреться, радуясь, что его мучения, наконец, закончились.

- Прощу прощение за грубость. Я ведь даже не представился. Меня зовут Мотидзуки Тору.

Вместе с ощущением тепла к мужчине стала возвращаться способность мыслить здраво, в связи с чем вся произошедшая ситуация показалась ему глупой и немного постановочной. Но, наверное, самого главного он добился. Эмоций для написания статьи ему теперь должно было хватить с лихвой.

Катара

- Катара, - как-то полусонно ответила девушка. Вся эта история не казалась ей странной хотя бы потому, что она смогла отрепетировать свои навыки врачевания на практике. И пусть этот Тору и не хотел себя убить, а просто поранился, пусть. Роли это не меняло, хотя, конечно, если бы он действительно хотел себя убить, она бы не смогла его остановить - он бы это сделал уже и не один раз. Оружие было при нём. Достаточно острое, чтобы забрать одну никчёмную жизнь человека. Для вечности это всё лишь ... ничего.

- Тогда чем же вы тут занимались, если не играли со своей жизнью? - немного строго спросила она у своего нового знакомого. Сама же подозревала, что всё дело в неких странных ритуалах японских, но хотела, чтобы ей Тору сам всё объяснил. Может, ей подкинет Луна ещё одну ситуацию сегодня, а то она даже не вспотела, пока рана заживала. Хотелось бы чего-нибудь посложнее. Она могла гораздо большее, пусть только в теории.

Тору Мотидзуки

Имя девушки показалось Тору достаточно необычным, но он не стал этого комментировать. В конце концов, было странно рассчитывать найти в монастыре заурядных людей. Под эту категорию попадал разве что он сам, не отличаясь способностями к магии или какой-то удивительной биографией и ведя последние годы тихую размеренную жизнь.

- Я... - Тору немного замялся, поскольку объяснение его действий было настолько странным, что со стороны могло показаться дурацкой выдумкой. В какой-то момент он решил вообще ничего не объяснять, но потом подумал, что тем самым заслужит себе звание неудавшегося самоубийцы, чего ему совсем не хотелось, даже, несмотря на обычное равнодушие к чужому мнению о своей персоне.

- Если говорить кратко, я, в научных целях, решил реконструировать ритуальное самоубийство, естественно, без завершающего момента. Повторюсь, но я вполне ценю свою жизнь и не стал бы себя убивать, остановившись в нужный момент. Просто вы появились и начали меня спасать настолько неожиданно, что у меня дрогнула рука.

Тору было неприятно говорить о своей ошибке, но раз Катара уже стала ее свидетельницей, отмалчиваться или делать вид, что ничего не произошло, было еще унижительнее, чем признаться в собственной глупости.

Катара

- В научных целях... Ритуальное самоубийство... Хорошо, что вы цените свою жизнь, во всяком случае если это действительно так. И это - вкратце. А если осветить все подробности?

Для Катары не нужны были никакие комментарии - она уже и так всё увидела. Всё поняла. Это... Было весьма любопытно. Необычно. Интересно. Но ещё интереснее услышать подробное объяснение от самого мужчины. Возможно, он не станет посвящать Катару в свои таинства, но это лишь ещё больше подогреет её интерес и любопытство к произошедшему. К тому же, можно покрасоваться козырным тузом, торчащим из рукава левой руки - показать, на что она способна, продемонстрировав свою силу прорицаний. Вряд ли это напугает Тору, но заставит задуматься о многом. И, возможно, сподвигнет на какие-нибудь мысли.

Тору Мотидзуки

Похоже, его объяснение не до конца устроило любопытную, как и все известные ему европейки, девушку. Но Тору не собирался сыпать подробностями. В конце концов, это было его личное дело, чем он занимался в парке зимой с мечом, приставленным к животу, а с Катарой он был знаком недостаточно, чтобы делиться с ней чем-то личным.

- Не думаю, что мой подробный рассказ покажется вам интересным. - Тору не хотел грубить человеку, залечившему его рану, но и милые беседы - это был совсем не его профиль, поэтому он старался уйти от разговора и ответов на многочисленные вопросы, которые могли последовать за каждым из его комментариев. - Все именно так, как я вам уже и поведал.

Тору заметил на земле листок бумаги с дзисэй и решил его поднять. Мало ли кто потом найдет его писанину и задастся вопросом, что здесь недавно происходило. Хотя вряд ли в монастыре могло найтись много людей, понимающих японский и знающих о том, что из себя представляет так называемое стихотворение смерти. Даже современная японская молодежь постепенно переставала чтить древние традиции, чего уж было говорить о китайцах и всевозможных европейцах, которыми был наводнен монастырь и которые, в большинстве своем, совершенно не интересовались японской культурой и историей.

Катара

- Хм, ну, ладно, как хотите. В прочем, я и так всё узнаю, если мне сильно приспичит. Но а так, полагаю, моя помощь вам больше не понадобится? И мне стоит удалиться, чтобы вы вновь смогли уединиться в этом... достаточно хорошем местечке для разного рода ритуальных действий? - она даже не стала ждать ответа. Ей этот молодой человек как-то сразу не понравился и не хотелось находиться с ним достаточно долгое время для того, чтобы накричать на него. Или ещё хуже - применить магию. Не хочет ничего ей говорить - и не надо, она сама всё прекрасно знала. Просто попыталась завязать хоть какую-то беседу с этим японцем, но, видать, у неё это получилось из рук вон плохо. Впрочем, и ладно, много она не потеряет, если уйдёт немедленно. Он мог ей остановить. Если захочет. Но захочет ли остановиться она?..

Тору Мотидзуки

На нетребующие ответов вопросы Тору только задумчиво хмыкнул. Рыжеволосая европейка оказалась своеобразной особой, сначала без выяснения обстоятельств налетающей на него с целью спасти от несуществующей опасности, потом предлагающей свою помощь и, под конец, выражающей недовольство из-за отсутствия у него желания вести светскую беседу. Собственно, особого желания разговаривать у Тору бы не возникло, даже пояись на его горизонте великий мастер древности, у которого он всегда мечтал поучиться, поскольку японец за время своих экспериментов успел изрядно замерзнуть и сейчас грезил только о горячем чае и тепле и уюте чайного домика.

Естественно, останавливать девушку, чей образ мысли показался ему еще более оригинальным, чем у большинства представительниц ее пола, он не стал, предпочтя потратить время на более полезные занятия. Например, убрать следы своего, к счастью, неудавшегося самоубийства. Тору очень надеялся, что у случайной свидетельницы реконструкции ритуала хватит такта не афишировать произошедшее, поскольку понять она могла все каким-то своим совершенно чудным образом, а потому создать ему репутацию безумного суицидника, но догонять девушку и просить ее сохранять тайну не стал. В конце концов, он никогда не стремился кому-то понравиться, предпочитая просто, по возможности хорошо, делать свое дело. Чем он и собирался заняться после небольшого чаепития, поскольку, даже несмотря на вмешательство сторонних сил, а, может, и благодаря ему, материала он набрал достаточно, чтобы написать приличную статью, способную вызвать интерес даже у читателя мало знакомого с японской культурой.
